

16. Human Rights Watch. World report 2015: events of 2014. – New York: Seven Stories Press, 2015. – x, 644 p.

17. Testimony of Matthew Spence, former U.S. deputy assistant Secretary of Defense for Middle East Policy // U.S. policy towards ISIL after terror group seizes Ramadi and Palmyra, June 3, 2015 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://foreignaffairs.house.gov/hearing/subcommittee-hearing-us-policy-towards-isil-after-terror-group-seizes-ramadi-and-palmyra>. – Date of access: 09.07.2015.

18. *Шумилин, А. И.* Сирийский кризис и политика США на Ближнем Востоке / А. И. Шумилин // США – Канада. Экономика, политика, культура. – 2014. – № 4. – С. 43–54.

19. Testimony of the U.S. Agency for International Development Assistant Administrator Nancy Lindborg // ISIL's reign of Terror: confronting the growing humanitarian crisis in Iraq and Syria, December 9, 2014 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/Lindborg_Testimony.pdf. – Date of access: 10.12.2015.

20. *Авласенко, И. М.* Цена вмешательства: влияние экономического фактора на форму интервенций стран Запада / И. М. Авласенко // Беларуская думка. – 2015. – № 4. – С. 70–74.

21. Regional impact of U.S. Policy towards Iraq and Syria. Hearing before the Subcommittee on the Middle East and North Africa, House of Representatives, 114th Congress, April 30, 2015. – Washington: USGPO, 2013. – iii, 68 p.

22. Opening Statement, Secretary of State John Kerry // Authorization for the use of military force against ISIL, December 9, 2014 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/Secretary%20Kerry%20-%20Testimony.pdf>. – Date of access: 10.07.2015.

23. Breaking the Iran, North Korea and Syria nexus: Joint hearing before the subcommittee on the Middle East and North Africa and the subcommittee on Asia and the Pacific and the subcommittee on terrorism, nonproliferation, and trade, House of Representatives, 113th Congress, April 11, 2013. – Washington: USGPO, 2013. – iii, 83 p.

24. Syria: U.S. policy options. Hearing before the Committee on foreign relations, Senate, 112th Congress, April 19, 2012. – Washington: USGPO, 2012. – iii, 35 p.

25. Iran and Syria: next steps. Hearing before the Committee on foreign affairs, 112th Congress, June 23, 2011. – Washington: U.S. government printing office, 2011. – iii, 83 p.

(Дата подачи: 20.01.2016 г.)

A. B. Strom

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

A. V. Strom

Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 323.1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF POLITICAL OPPOSITION

Рассмотрены теоретические основы функционирования политической оппозиции: эволюция взглядов на политическую оппозицию, а также процесс становления методоло-

гического инструментария для анализа данного феномена общественной жизнедеятельности. Раскрывается эвристический потенциал анализируемых методологических подходов применительно к проблематике исследования.

Ключевые слова: власть, политическая оппозиция, методологические подходы, политические партии, группы интересов, политические акторы.

It is offered to take only the first step to leading of theoretical bases of functioning of political opposition in this article, namely to consider evolution of views of political opposition, and also process of formation of methodological tools for the analysis of this phenomenon of public activity. Heuristic potential of the analyzed methodological approaches in relation to a research perspective reveals.

Keywords: power; political opposition; methodological approaches; political parties; groups of interests; political actors.

Оппозиция (от лат. *oppositio* – «противопоставление, возражение») как феномен является неотъемлемым атрибутом жизнедеятельности любого общества. Природа данного явления зиждется в широком спектре предпосылок – от индивидуально-психологических до социально-экономических.

Как социальное явление оппозиция имеется в различных сферах общественной жизнедеятельности и на различных уровнях, например, культуре, семье и др. Но наиболее полного проявления оппозиция достигает в политической подсистеме, поскольку именно в ней противопоставление определенных воззрений доминирующей системе ценностей и интересов может вступать в диссонанс с правящей элитой и проводимой ею курсом. Таким образом, в политике оппозиция отражает одну из сторон традиционного бинарного противопоставления «власть/оппозиция», являющейся разновидностью «мы» и «они», которая представляет собой одну из основополагающих бинарных оппозиций человеческой культуры как таковой [1]. В этом смысле ее связка с политической властью неразрывна.

Несмотря на то, что оформление политической науки в самостоятельную научную дисциплину произошло на рубеже XIX и XX вв., само понятие «политическая оппозиция» было сформулировано еще в 1749 г. лордом Болингбругом, а изучение данного феномена началось гораздо раньше. Так, оппозиция в политике на протяжении длительного времени являлась предметом интереса со стороны философского осмысления, традиция чего восходит еще к античному периоду.

Историко-политическая эволюция мировой, российской и белорусской общественно-политической мысли показывает, что изначально основу рассуждений о тех явлениях, которые сегодня именуется «политической оппозицией» составляла концептуализация идей о сопротивлении самоуправной власти. Вместе с тем следует подчеркнуть, что попытки закрепить и институционализировать место политической оппозиции в обществе происходят после крушения полисной организации человеческих сообществ и возникновения государств-наций [2]. Поэтому следует четко различать оппозицию как определенные критические по отношению к власти настроения и оппозицию как легальный политический институт.

Также подчеркнем, что сама научная дискуссия по поводу роли политической оппозиции в современном обществе – порождение западной политической мысли, в основе которой находились более ранняя легализация и легитимация данного явления общественной жизнедеятельности в условиях особенностей форм функционирования политических систем.

Отличительная черта исследования политической оппозиции – это рассмотрение ее не в качестве самостоятельного конструкта, а противоположной стороны власти.

Исторически первым методом к анализу власти является традиционный институционализм (его называют еще старым, классическим), имеющий две модификации – нормативную и социологическую. В рамках данного методологического инструментария не только власть, но и вся сфера политического исследуются через совокупность институтов, в которых они воплощаются.

На рубеже XX и XXI веков наиболее актуальными политическими институтами в рамках различных научных направлений, где особо следует выделить марксизм и государственведческую теорию М. Вебера, являлись государство и политические партии – не только как альтернатива существующему статус-кво в политике, но и способу представительства альтернативных власти взглядов и действий. В результате первая половина XX века в вопросе изучения политической оппозиции шла в неразрывной связке с выявлением роли политических партий в политике. Комплексному анализу подвергались такие аспекты деятельности политических партий как формально-юридические и правовые основания их организации и функционирования, типологизация, несколько позже – эволюция и трансформация. При этом оппозиция трактовалась преимущественно как деятельность партий, находящихся в меньшинстве, в законодательных органах власти.

Именно по этой причине классические подходы к типологизации политической оппозиции берут свои истоки в классификации политических партий, заложенных западными учеными. Так, ряд из них исходили не из идеологического критерия, а позиции по отношению к действующей власти. Такой точки зрения придерживались М. Дюверже, О. Кишхеймер, Г. Оберреутер, Дж. Сартори, давшие последователям такие научные дефиниции, как «массовые» и «кадровые» партии; «принципиальная» и «лояльная» оппозиция, а также «политическая оппозиция», близкая к господствующей политической силе по стратегическим целям, но по-иному оценивающая способы их достижения; оппозиционные партии, отдающие приоритет в своих программных установках решению конкретных проблем, оппозиция, предпочитающая достижение консенсуса с правящей коалицией, и партии, избравшие путь конфронтации со всеми перечисленными силами; «ответственный» и «неответственный» виды партий [3].

Можно констатировать, что методология исследования традиционного институционального подхода к проблемам политической оппозиции может

быть весьма эффективно использована для анализа политического процесса в странах «старой» западной демократии со стабильной партийной структурой и устоявшейся культурой политической борьбы, на примере которых она и разрабатывалась. Вместе с тем она имеет и ограничения, к которым следует отнести сужение поля исследования и игнорирование разнообразия форм организации власти. Так, в качестве оппозиции могут выступать не только партии, а сама оппозиционная деятельность не ограничивается только парламентской борьбой. Часто традиционный институционализм оказывается неэффективным при исследовании указанной проблематики в государствах постсоветского пространства.

Именно с появлением первых аналитических моделей к изучению политических систем (Т. Парсонс, Д. Истон, Г. Алмонд и др.) появилась и возможность не только использовать системный подход к анализу сферы политического, но и посмотреть на политическую оппозицию отлично от привычного институционального русла. Последнее связано с тем, что классики системного подхода в политологии преимущественно сосредотачивались на изучении не центров власти как таковых, а взаимодействия последних со средой, на периферии которой находятся не только партии, но и многочисленные группы интересов.

В данном ключе важным направлением, развивающимся в американской политологии в середине XX века, является бихевиоральный подход. Так, начиная с А. Бенгли, еще в начале XX века подошедшего к анализу общества как к совокупности групп интересов, в анализ политического процесса была привнесена неформальная составляющая в виде реальных групповых отношений, которые опосредуют официально-институциональные отношения, представляющие собой лишь проекцию групповых интересов. Начиная с конца 1960-х гг. и до конца XX в. акцент в политических исследованиях и вовсе переместился на массовые формы поведения и электоральное поведение в частности [4, с. 6]. Отметим, что исследование поведенческой составляющей в изучении политической оппозиции существенно расширяет ее контекст, позволяя анализировать не только внешнюю сторону организационно оформленных и институционализированных центров власти, но и рассматривать их внутреннее содержание. При таком подходе даже государственные институты выступают в качестве одного из многих видов «групп интересов», которые могут противопоставляться друг другу.

Кроме того, бихевиоральный подход дал толчок к развитию направлений в политической науке, основанных на традициях политической психологии, экономики и социологии. Так, например, отталкиваясь именно от рыночной модели демократии Э. Даунса и описанных этим исследователем «мульти-векторных» объединений, которые предлагают избирателям разнообразное политическое меню, «формулируя политику, чтобы выиграть выборы, а не выигрывая выборы, чтобы формулировать политику», О. Киркхаймер отметил появление такого типа партии как «партии хватай всех» («catch all

parties»), под которым рассматривались партии, в последствии именуемые «народными» [5, с.126].

Методологические ограничения бихевиорального подхода в исследовании политической оппозиции связаны с тем, что он не указывает на ее отличительные черты как одного из видов групп интересов. Например, в противопоставлении одной политики другой подпадает феномен лоббизма, группы давления, а также столкновение интересов локальных групп по поводу локальных проблем, не имеющих отношения к собственно политической деятельности.

Анализ политического поведения также дал толчок к становлению и конфликтологической парадигмы в политической науке, классиками которой являются Р. Дарендорф и Л. Козер. Для исследования политической оппозиции указанный подход имеет собственную познавательную значимость, выражающуюся в смещении аналитических акцентов на попытку легитимации роли политической оппозиции в современном обществе. На основе теоретических разработок этих авторов стало принято считать, что конфликты, во-первых, способствуют возникновению политической оппозиции, а во-вторых, способны помогать ее институционализации, т. к. в принципе они не только не отменяют сотрудничества различных социально-политических сил, нахождения ими компромиссов, но и предполагают их [2].

Среди теорий, объясняющих социально-политические конфликты, следует особо выделить теорию «перекрестного давления» (Г. Алмонд, Л. Козер, А. Лейпхарт, С. Липсет) которая гласит, что перекрестные, а не параллельные линии социального конфликта, основанные на частично совпадающем и перекрестном членстве в организациях, приводят к стабилизации и политической умеренности. Совпадающие линии конфликта способствуют политическому противостоянию и нестабильности. Перекрестное или частично совпадающее членство в организациях означает, что индивиды являются участниками более чем одной организации и подвержены воздействию индивидов, придерживающихся иных взглядов. С. Липсет называл теорию перекрестного давления (теорию перекрестных линий конфликта) ключевой для политологии [6].

Логика развития политической теории на данном направлении привела к тому, что одной из ведущих парадигм в сравнительном исследовании политических систем, стала теория демократического транзита, рассматривающая те или иные процессы с точки зрения соответствия демократическим стандартам. С. Хантингтон ввел понятие «волна демократизации», под которой понимается группа переходов «от недемократических режимов к демократическим, происходящих в определенный период времени, количество которых значительно превышает количество переходов в противоположном направлении в данный период», где третья волна демократизации начинается с 1974 г. и продолжается по сей день [7, с. 26].

В результате доминирующей тенденцией стало описание типологической принадлежности политических систем в зависимости от роли полити-

ческой оппозиции в каждом конкретном обществе. В расчет берутся такие факторы, как степень реализации принципа верховенства права, гражданско-политических прав и свобод, справедливо организованные выборы, наличие альтернативных источников информации, возможность создавать, в том числе оппозиционные политические партии, достаточно высокая зависимость правительства от результатов голосования на выборах и др. Отличительная черта исследований в данном контексте, ставшая впоследствии хрестоматийной выкладкой, и воспроизводящейся на уровне мировой политики, – наличие политической оппозиции является неотъемлемым атрибутом демократической политической системы.

Таким образом, первые две трети XX века в осознании феномена политической оппозиции, в современной политологии прошли под знаком рассмотрения ее в качестве диаметрально противоположной стороны власти, на которую проецируются общие закономерности функционирования последней, в т. ч. на организационном уровне. Вместе с тем, несмотря на упомянутое выше осознание того, что для понимания политики важны не только институты, но и люди, которые участвуют в ней, сама трактовка «человеческого измерения» вплоть до последнего времени оставалась достаточно механистической, а развитие политической социологии и психологии, которые в качестве своего основного объекта рассматривают именно человека, его политическое поведение и сознание, проходило по преимуществу на периферии политической науки [4, с. 6].

Конкретизация накопленных идей в сочетании с критическим отношением к предшествующей традиции и возрожденным интересом к государственным структурам, в рамках чего принимаемые политические решения объясняются скорее идеями и интересами институциональных акторов, действующих в дифференцируемом государственном секторе, чем обычной реакцией на давление извне, воплотилась в модифицированной версии институциональной теории, которую называют «новым институционализмом» или «неоинституционализмом». Объектом исследования в политической науке вновь становится государство, но не в структурном аспекте, а в реальном поведении индивидов. Аналитические акценты смещаются на процессы изменения и структурирования политики, на то, как акторы влияют на выбор институтов, а институты – на поведение акторов, стратегию выработки решений. Отныне институты рассматриваются не только в качестве организаций, но и как формальные и неформальные правила игры, формы взаимодействия и сама кооперативная деятельность людей.

Для исследования политической оппозиции здесь появляется один принципиальный момент. Особое внимание неоинституционалисты уделяют изучению таких образований, как группы давления, корпораций, клиентелл, клик, отношений родства, а также социокультурных символов и ценностей, влияющих на структурирование макрополитики, а это значит – выходят на исследование субъективных факторов, которые в рамках данной методологии являются движущей силой политических изменений.

Кроме того, в любом достаточно крупном человеческом сообществе политические процессы протекают как бы в двух параллельных плоскостях: на микро- и на макроуровне. Если под политическими явлениями макроуровня обычно понимают борьбу главных политических сил сообщества за овладение рычагами центральной власти, то на микроуровне имеются в виду те проявления насилия и принуждения как отличительный признак сферы политического, которые происходят в малых группах человеческого сообщества [8, с. 11]. В результате, макроуровень политики функционирует на основе институтов, на микроуровне политическая система самовоспроизводится. Участие в групповом коллективном действии, например, партии – индивидуальный выбор.

Таким образом, новый институционализм в исследовании политической оппозиции дает возможность изучать не только ее формальную организацию, но и внутреннее содержание, механизмы функционирования на практике. В отличие от партологии, теории групп интересов или демократии, неинституциональная методология, во-первых, рассматривает политическую оппозицию в качестве института политической системы, во-вторых, активно действующего субъекта, дает возможности ответить на вопрос, почему в разных странах данный институт имеет разное оформление и даже при одинаковом оформлении функционирует по-разному.

Следует также отметить, что основы конкретизации ответов на выше обозначенные вопросы были заложены еще в рамках социологической традиции в 1970-е годы прошлого века. Так, значительное внимание объединению структурных и деятельностных аспектов политической реальности, рассмотрению субъективных факторов уделялось такими основоположниками указанной традиции, как Н. Луманом, П. Бурдьё и Э. Гидденсом. Несмотря на разницу в изначальных теоретических установках каждого из данных исследователей, политическую оппозицию можно рассматривать в качестве альтернативной власти системы, характеризующейся набором определенных смысловых кодов взаимодействия в политике, которые избраны, как правило, меньшинством в обществе. Интересы данного меньшинства могут быть как представлены, так и не представлены в законодательном органе той или иной страны.

Таким образом, в настоящее время существуют разноплановые подходы к пониманию политической оппозиции, каждый из которых раскрывает определенную грань данного феномена общественной жизнедеятельности. Так, если долгое время оппозиция в политике рассматривалась в качестве протестных настроений подданных в отношении суверена, то XX век ознаменовался изучением организационных форм воплощения социального протеста – от политических партий до групп интересов и анализа электорального поведения, а также предложением методологического инструментария для легализации политической оппозиции в обществе. Рубеж второго и третьего тысячелетия характеризуется попыткой выйти на интеграцию в исследо-

ваниях структурных и деятельностных аспектов политической реальности, выявление субъективных факторов, определяющих различия, в том числе, в функционировании оппозиции в каждом конкретном обществе.

Анализ существующих методологических подходов к изучению оппозиции позволяет заключить, что в научной литературе категория «политическая оппозиция» используется в нескольких значениях: во-первых, как группа индивидов, наделенная определенными признаками; во-вторых, как собирательное название для обозначения совокупности определенных идей и настроений, связанных с критическим отношением к политике официальной власти; в-третьих, как институт политической системы. Можно констатировать, что в научном дискурсе «политическая оппозиция» является интегральной категорией, с помощью которой осуществляется анализ определенного спектра протестных настроений в политической подсистеме общества. Как результат, конструкт политической оппозиции в современной социально-политической теории не является завершенным, а это, в свою очередь, открывает широкую дорогу для дальнейших исследований.

Список использованных источников

1. *Вольнец, А.* Оппозиция «мы-они» в библейских источниках персидского периода (терминологическое описание) [Электронный ресурс] / А. Вольнец. – Режим доступа: http://www.hist.bsu.by/images/stories/files/nauka/Scriptorium/5/Voly nec_Anna.pdf. – Дата доступа: 17.11.2013.

2. *Цыганков, А. П.* Современные политические режимы: структура, типология, динамика [Электронный ресурс] / А. П. Цыганков. – Режим доступа: http://society.polbu.ru/tsygan kov_political/ch24_i.html. – Дата доступа: 15.11.2013.

3. *Штоль, В.* Технологии политического менеджмента в российском партостроительстве [Электронный ресурс] / В. Штоль, С. Федорченко. – Режим доступа: http://www.observer.materik.ru/observer/N6_2013/047_058.pdf. – Дата доступа: 15.11.2013.

4. *Шестопап, Е. Б.* Введение в рубрику. Человеческое измерение политики / Е. Б. Шестопап // Полис. – 2013. – № 6. – С. 6–8.

5. *Морозова, Е. Г.* Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии / Е. Морозова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 247 с.

6. *Антанович, Н. А.* Теории среднего уровня и закономерности политической сферы / Н. А. Антанович // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. I, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2011. – № 2. – С. 26–34.

7. *Хантингтон, С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М., «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 368 с.

8. *Линецкий, А. И.* Разнообразие политических систем как следствие в поведении людей / А. И. Линецкий // Полис. – 2013. – № 6. – С. 8–25.

(Дата подачи: 17.02.2016 г.)